

Новый взгляд на Англию XVII века

«Когда мир перевернулся» ● Смелая попытка реконструкции событий буржуазной революции ● Звучат голоса тех, кому отказывали в праве говорить

Колин ЧЕМБЕРС

«МОРНИНГ СТАР», ЛОНДОН.

Убийцы в злобещих черных шляпах, фанатики с бесстрастными лицами и горящими глазами — такими многие представляют себе пуритан. Вернее, представляли, пока историки-марксисты, в частности А. Мортон и К. Хилл, не дали новую оценку революционным событиям XVII века. Их труды во многом изменили укоренившиеся взгляды на английскую буржуазную революцию.

Одна из книг Кристофера Хилла — «Когда мир перевернулся» — теперь обрела сценическую жизнь. Ее вольное переложение на язык театра осуществил режиссер Кейт Дьюхерст на экспериментальной сцене «Коттеслоу» (один из трех залов Национального театра в Лондоне. — Ред.).

В этом спектакле, начинающемся с казни Карла I, делается смелая попытка исторической реконструкции ряда главных событий и филосо-

фий того времени. В первой и самой сложной части действие концентрируется на армии Кромвеля, раздираемой политическими противоречиями. Особенное внимание уделено поражению левеллеров, объединявших мелких собственников. По мере того, как офицеры все больше забирали власть в свои руки, как ужесточались чистки в армии, оппозиционные группировки теряли право голоса, их зажимали сверху. В итоге произошел раскол. Некоторые встали на крайние, утопические позиции, замкнулись в себе, перенесли акцент борьбы на изменение самой природы человека.

Об этом повествует вторая часть спектакля. В ней рассматриваются главным образом две такие группировки: вдова Уинстэнли община диггеров, выступавшая за создание независимых, самообеспечивающихся сельскохозяйственных коммун, и община рантеров, которые проповедовали свободную любовь, утверждая, что грех как таковой не существует. Коллизии между ними приобретают подчас вполне современное звучание, например, в сценке с одной женщиной, которая, взбунтовавшись против домашнего труда, уходит в лагерь рантеров, но и там не находит счастья.

Разумеется, в таком спектакле, претендующем на широкий показ основных событий той эпохи, постановщику многим пришлось пожертвовать.

— Чрезвычайно сложно показать экономический механизм того периода, — говорит он, — и это пока что еще никто не сделал, хотя мы и попытались в этом спектакле.

И все же, хотя хронология событий в постановке ограничена лишь отдельными эпизодами 1649 и 1650 годов, социальный диапазон спектакля значительно шире, чем в книге Хилла. На сцене предстают многочисленные социальные типы, их взаимоотношения, позиции показаны достаточно убедительно. При этом спектакль весьма эффектен.

— Театр может привлечь и безработного и профессора философии, — утверждает Дьюхерст, — если будет идти в ногу с современностью, если постановка обладает драматизмом футбольного матча, привлекает кинематографом и непринужденностью общения с публикой, какая царит обычно на эстрадных концертах.

В его концепции народного театра важное место отведено музыке. В спектакле, например, звучит много старинных

Сцена из спектакля «Когда мир перевернулся», посвященного событиям английской буржуазной революции XVII века.

«Морнинг стар», Лондон.

баллад, которые с энтузиазмом поют актеры с помощью популярного исполнителя народных песен Мэдди Прайора. Такой подход Дьюхерста, стремящегося сделать свои постановки зрелищными и предельно доступными для всех, отвечает современным изменениям в театре, который все больше отходит от традиционных форм и построений в поисках большей выразительности. Например, актеры у Дьюхерста

играют каждый по несколько ролей, а в одной из сцен сами зрители становятся участниками действия, когда зал «Коттеслоу» трансформируется в палату общин парламента и центральные персонажи ведут диспут на узком помосте, разделяющем зал.

Однако, сколь бы зрелищно ни выглядел спектакль, ему явно недостает четкости, особенно при показе соперничающих религиозных группиро-

лок. Так же неясен, на мой взгляд, образ Кромвеля.

Тем не менее постановку следует считать удачной. Того же мнения придерживается и автор книги, историк Кристофер Хилл, посвятивший всю свою жизнь изучению той бурной эпохи, которая дала рождение капитализму. Прежде всего он доволен, что его оценка революции обрела сценическую форму. Но, по его мнению, главное достоинство спектакля в том, что революция показана как общенародное движение, а не выступление одних пуритан, что слово предоставлено людям из народа и все действующие лица вынесли на суд зрителей наших дней свои надежды, тревоги, идеи.

— То было время идей, — говорит Кристофер Хилл, — идей буржуазных и революционных, безумных, утопических. Уинстэнли, например, понимал, что его взгляды на общественное устройство опережали эпоху. И все же именно в 40-х годах XVII века народ Англии пробудился впервые и понял, что его чаяния могут осуществиться.

— Именно это я хотел показать в спектакле, — добавляет Кейт Дьюхерст, выросший в рабочем районе, повидавший в своих поездках по стране немало обезчеловеченных городов, где заправляют «избранники народа». — Слишком многих в этой стране заставляли молчать. В спектакле звучат их голоса. Мы должны слушать их, даже если не согласимся с ними.

